

Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР

Во II книге „Социалистического хозяйства“ за 1927 г. помещена статья проф. З. С. Каценеленбаума „Индустриализация хозяйства и задачи кредита в СССР“. В нашей печати названная статья до сих пор не встретила критического отпора, которого она по существу заслуживает. Между тем, большинство положений, развиваемых автором в этой статье, глубоко неправильны. В журнальной статье трудно дать исчерпывающий анализ всем ошибкам проф. Каценеленбаума — их очень много, но остановиться на главных и основных абсолютно необходимо.

Проф. Каценеленбаум выставляет и защищает такие три положения:

1. Капиталистическая индустриализация везде и всегда идет не за счет внутрипромышленного накопления и не за счет иностранного капитала, а за счет Hinterland'a, при чем решающим методом этого накопления является кредит.

2. Индустриализация в дореволюционной России шла тем же путем: не за счет внутрипромышленного накопления и не за счет иностранного капитала, а за счет русского Hinterland'a и, главным образом, методами кредита.

3. Индустриализация в СССР не может идти иными путями и методами, чем во всем капиталистическом мире и в старой России. Поэтому политику советской власти в области финансирования индустриализации надо пересмотреть и построить как раз наоборот, чем она теперь построена. Кредит должен стать основным и решающим методом финансирования индустриализации.

Для Каценеленбаума, да и объективно, основным является, разумеется, этот третий тезис. Два первых служат как бы теоретическим обоснованием этого последнего тезиса и тех практических выводов, которые Каценеленбаум рекомендует сделать советской власти в отношении индустриализации СССР. Мы также остановимся, главным образом, на вопросах методов финансирования индустриализации СССР. Но коротко остановиться на экскурсах Каценеленбаума в историю капитализма и в историю дореволюционной России необходимо: иначе корни его ошибок будут не совсем понятны.

„Теория“ капиталистической индустриализации проф. Каценеленбаума

Во второй части статьи Каценеленбаум пробует дать нечто в роде теории капиталистической индустриализации. Он пишет: „Все те стороны, которые пережили в прошлом процесс индустриализации, достигли этого, главным образом, путем постоянного привлечения к промышленности капиталов „извне“, а не путем только собственного накопления прибылей внутри самой промышленности“. ¹ Само это „извне“, естественно, распадается на иностранный денежный рынок и Hinterland данной промышленности. Проф. Каценеленбаум иностранный денежный рынок сбрасывает со счетов. „Первостепенным фактором, основной базой, которая питала капиталонакопление промышленности, является то, что можно назвать Hinterland'ом промышленности,— все другие отрасли народного труда, которые существуют в данной стране“. ² Наконец, свою концепцию Каценеленбаум венчает таким тезисом: „В последнее время ³ основной формой, которая во всех странах привела к развитию промышленности, является кредит в различных его разновидностях и разветвлениях“.

В защиту этой схемы Каценеленбаум приводит ряд цифр, касающихся индустриализации Германии, ссылается на В. Зомбарта и, наконец, берется за трудное для него дело — комментирование Маркса. Основная мысль, которую в связи с этой своей схемой пробует (правда, с колоссальной нерешительностью) сформулировать Каценеленбаум, сводится к тому, что реальный прогресс капиталистической индустриализации шел „не по — Марксу“. Ибо, рассуждает Каценеленбаум, Маркс базировал развитие капитализма на внутрипромышленном накоплении; Маркс, с другой стороны, считал, что методы первоначального накопления к 60-м годам прошлого века (т.е. к началу периода индустриализации Европы) сыграли и сыграли свою роль; Маркс, наконец, „не разработал“ других методов накопления, напр., кредита...

Маркс, разумеется, со всем тем, что приписывает ему Каценеленбаум, не имеет ничего общего. Не верно, что Маркс „базировал“ развитие капиталистической промышленности только на внутрипромышленном накоплении. Не верно, что Маркс отрицал определенную роль методов первоначального накопления в ходе индустриализации европейских стран. Не верно, что Маркс „не разработал“, „не оценил“ роли кредита в развитии капитализма.

В системе Маркса, вопреки утверению Каценеленбаума, все эти вопросы формулированы с исключительной точностью. И если Каценеленбаум пробует его „разъяснить“, „разбавить“, то такая необ-

¹ Указ. статья, стр. 8.

² Там же.

³ Последние 50—75 лет.

ходимость могла возникнуть только потому, что подлинного Маркса Каценеленбаум не понял.

Он не понял учения Маркса о капиталистической индустриализации в условиях чистого капитализма и не понял взглядов Маркса на реальный прогресс индустриализации, как последний протекает в условиях конкретного капитализма.

Теоретическую картину индустриализации капиталистического хозяйства Маркс дал в своих бессмертных схемах т. II „Капитала“.

Схемы Маркса четко выделяют неизбежность при росте капиталистического общества: а) более быстрого роста отраслей I подразделения; б) увеличения удельного веса этого I подразделения в общественном продукте; в) ведущей роли I подразделения по отношению к остальному хозяйству и т. п. Маркс установил и закон, которым определяется темп и размер этой капиталистической индустриализации.

Таким законом при капитализме является закон средней нормы прибыли. Норма прибыли I подразделения, оказавшись выше средней, стимулирует вложение капитала именно в эту сферу; и, наоборот, если насыщение этой сферы капиталом окажется чрезмерным, норма прибыли здесь падает ниже средней и тем создается временная граница для индустриализации.

Разумеется само собой, что если этого потребуют капиталистические условия, т.е. если это допускает средняя прибыль, более быстрый рост I подразделения не может быть базирован только на внутреннем накоплении своего круга; перемещение стоимостей (и не только *т*, а и капитала) может произойти из II подразделения в I.

Какими способами? Маркс отвечает: путем перелива капитала, путем изменения цен, путем кредита.

Таким образом, даже в тех методологических рамках, в которых Маркс рассматривает процесс капиталистической индустриализации („чистый“ капитализм), он отнюдь не базирует процесс индустриализации на внутрипромышленном накоплении, как это показалось Каценеленбауму. Нечего и говорить, что индустриализацию в реальном капитализме Маркс тем более не мог базировать только на внутрипромышленном накоплении. Здесь Маркс не забыл ни методов первоначального накопления, ни кредита. Достаточно посмотреть хотя бы некоторые места „Капитала“. ¹

Маркс дал полную и многостороннюю картину индустриализации. Наоборот, Каценеленбаум представляет этот процесс чрезвычайно упрощенно и поэтому неверно. Он отрицает участие в индустриализации методов первоначального накопления, между тем, они играют при капитализме громадную роль. Он отрицает роль внутрипромышленного накопления, между тем, в ходе капиталистического развития растет и норма эксплуатации, т.е. возрастает

¹ К. Маркс, „Капитал“, т. I, 617 стр., т. III, 327 стр., изд. 1925 г.

внутрипромышленное накопление.¹ Из централизационных процессов капиталов проф. Каценеленбаум признает только один — кредит, на деле же их имеется несколько, при чем некоторые из них отнюдь не являются „мягкими“ (поглощение крупным капиталом мелкого и т. д.).

В результате всех этих односторонностей и ошибок вырисовывается у проф. Каценеленбаума общая картина хода капиталистической индустриализации: „при посредстве аппарата кредита весь чистый остаток национального дохода... направляется в одну отрасль—в отрасль индустрии“.²

Это и есть прикрашивание капиталистического хозяйства, где, якобы, дело идет совершенно мирным образом, на основе соблюдения принципов собственности, где каждый получает по заслугам, где царствует мир и гармония и где все мягко движется вперед по пути прогресса. Все это не дурно, но беда в том, что ничего этого нет в действительности. В действительности „капитал источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до ног“³ — вот что сопровождает жизнь капитализма на всех этапах его развития и во всех отношениях, в том числе и в отношении индустриализации.

Надо отметить еще одну сторону в концепции Каценеленбаума. Он считает, что в основном все страны индустриализировались на национальных дрожжах. Роль иностранного капитала в деле индустриализации Каценеленбаум преуменьшает (или, с оговорками, отрицает). Это тоже крупная ошибка. Надо же помнить и различать два положения: 1) индустриализироваться любая капиталистическая страна может и за счет внутренних средств; 2) практически ни одна страна не шла этим „естественным“ и потому медленным темпом. Иностраный капитал врвался в национальные границы, ломал старые связи и отношения, подгонял доморощенную промышленность — в отношении объема средств, техники, организационных форм и т. д., и этим сообщал индустриализации более быстрый темп и более широкий размах.

Общую роль иностранных центров в картине индустриализации отдельных европейских стран хорошо наметила Р. Люксембург:⁴

Новые капиталистические страны всегда развиваются при активном воздействии передовых капиталистических стран. Это не-

¹ В частности, Каценеленбаум неосторожно зачисляет Зомбарта в сторонники своей схемы. Как раз Зомбарт для Германии доказывал исключительную роль внутрипромышленного накопления и накопления за счет некапиталистического круга, накопления за счет сверхприбылей („Народное хозяйство Германии“, стр. 154—155).

² Цит. статья, стр. 11.

³ „Капитал“, т. I, стр. 754, изд. 1925 г.

⁴ „Заем переносил капитал в XVI и в XVII столетиях из итальянских городов в Англию, в XVIII столетии из Голландии в Англию, в XIX столетии из Англии в американские республики и в Австралию, из Франции, Германии и Бельгии в Россию и в настоящее время (1912 г. Л. К.) из Германии в Турцию, из Англии, Германии и Франции в Китай и при посредстве России в Персию“ („Накопл. капит.“, стр. 299).

избежно. И непонятно, как Каценеленбаум считал это возможным отрицать.

Таким образом, действительная картина капиталистической индустриализации гораздо сложнее, пестрее, разнообразнее, чем это представляется проф. Каценеленбауму.

Капиталистическая индустриализация в России

Свою схему капиталистической индустриализации Каценеленбаум проверяет на конкретном примере дореволюционной России. И, разумеется, неправильная схема не могла привести его к правильным взглядам на процесс индустриализации старой России. Посмотрим, к каким неожиданным результатам приходит проф. Каценеленбаум.

Он выставляет такие два положения: „Во-первых, я считаю, что и у нас, так же, как это было в иностранных государствах, индустрия развилась не за счет накопления собственных прибылей, а за счет привлечения средств „извне“, и, во-вторых, я решаюсь утверждать, что в этом общем накоплении капиталов „извне“ в последние десятилетия главную роль играли не иностранные капиталы, а наше собственное внутреннее накопление всех слоев населения“ (курсив автора. Л. К.).¹

Какие же соображения заставляют автора защищать эти свои исходные положения, которые он сам (15 стр.) называет „быть может слишком решительными суждениями“?

В развитии русской промышленности, по его словам, ярко выступают два периода: первый — 60-е и частью 70-е годы; и второй — конец 90-х годов и 1908—1914 гг. В первый период мы имели, действительно, дело с реальным притоком капитала из-за границы. „Во всем же остальном позднейшем строительстве ж. д., как и в строительстве промышленности, иностранный капитал, по моему мнению, играл, во-первых, второстепенную роль, а во-вторых, условную роль“.²

Эти выводы проф. Каценеленбаума раньше всего вызывают соображения общего свойства: Россия не только в 60—70-х годах была страной, бедной капиталами, но и позже — достаточно посмотреть таблицу учетных ставок за весь этот период у нас и на зарубежных рынках. А известно, что при таких условиях иностранный капитал не мог оставаться равнодушным к „пустому“ русскому рынку. И он, действительно, не оставался.

Но для притока иностранного капитала нужны определенные условия: среди них твердая валюта прежде всего.

¹ Цит. статья, стр. 14.

² Там же, стр. 15.

В 60—70-х годах как раз этого не хватало: денежная реформа была проведена в 1897 г.; во весь предшествующий период ввоз капитала с этой стороны терпел ограничения и затруднения.

Для притока иностранного капитала не безразличен и государственный бюджет — и в этом отношении период, который Каценеленбаум рассматривает как „расцвет“ прилива иностранного капитала, не может считаться благополучным.

Прилив капитала, как давно установлено, находится в прямой связи с движением промышленного цикла. Подъем, а не депрессия предъявляет спрос на капитал, в том числе и на иностранный. И в этом отношении период, указанный Каценеленбаумом, отнюдь не представляет исключительного момента в развитии дореволюционной России: подъемы 95—900-х годов и 1909—13 годов были куда интенсивнее.

Одни эти общие соображения заставляют взять под сомнение тезис Каценеленбаума о том, что главная и основная масса иностранного капитала влилась в Россию в 60—70-х годах, а после этого ввоза не было вовсе.

Однако, в нашей литературе вопрос об импорте иностранного капитала, если и не разработан в совершенстве, то он достаточно разработан для того, чтобы в общих чертах судить о том, когда он вливался и в каких приблизительно размерах.

Во всех странах установление размеров иностранного капитала представляет значительные трудности. С большей или меньшей уверенностью можно говорить об абсолютных размерах иностранного капитала и его доли в национальной капиталистической системе только по акционированным предприятиям и по государственному долгу. Это не все, но это, в конечном счете, главное.¹

Когда берешь цифры государственной задолженности старой России, то вот что бросается в глаза: 1) государственный долг — сравнительно позднего происхождения: в 60-х годах он еще небольшой; в 1895 г. — 5,7 млрд. руб.; в 1914 г. — 8,8 млрд. руб.; 2) за этот период все время шел процесс „иностранзации“ русского государственного долга: доля иностранной задолженности составляла в 1895 г. — 30%, в 1914 г. — 48%.² Такова динамика государственной задолженности.

Гораздо интереснее динамика вложений иностранного капитала в акционированные предприятия (промышленность, банки, благоустройство городов, торговых и транспортных предприятий).

Проф. Каценеленбаум сам признает, что величина акционерного капитала в России в 60—70-х годах вообще была не большая, не высока была и доля иностранного капитала в ней, тем не менее

¹ В дальнейшем мы будем вести речь только об этих формах иностранного капитала.

² Пославский, „Русский государственный долг“, 1925 г.

он считает, что только тогда импорт иностранного капитала служил средством индустриализации России.

Что хозяйственное оживление 60—70-х годов было отчасти результатом прилива иностранного капитала — в этом сходятся все.¹

Но на первых порах это оживление захватило преимущественно транспорт и организацию кредитного дела.²

Ввоз капитала к тому же скоро нашел для себя задерживающие причины: отсутствие твердой валюты и т. д.

Таким образом, то, что Каценеленбаум считает за „расцвет“ притока иностранного капитала в России, оказывается очень скромным притоком и притом по преимуществу направленным не на индустриализацию, а в сферу обращения (банки и т. п.).

Для характеристики роли иностранного капитала в более поздний период, для которого проф. Каценеленбаум вообще отрицал приток иностранного капитала, укажем на сводную таблицу (роста размеров акционерного капитала по промышленности, банкам, торговле, транспорту, городскому благоустройству и изменению доли иностранного капитала).³

Таблица обнаруживает, что эпоха промышленного подъема второй половины 90-х годов резко поднимает долю иностранного капитала в акционерной промышленности (с 26% до 38,8%). Годы 1900—1906, известные как годы тяжелой депрессии, естественно дают снижение доли иностранного капитала. Промышленный подъем 1909—1913 гг. опять дает значительное повышение доли иностранного капитала (с 38,6% до 45,5%).

Эти данные до такой степени ясны и общепризнаны, что в любой работе об иностранном капитале мы встречаем указание как раз на то, что 90-е годы — годы наибольшего притока иностранного капитала.⁴

Крупный приток иностранного капитала в 90-х годах не только являлся результатом слепой игры экономических сил, но был прямою целью правительства.

М. И. Боголепов правильно отмечает, что „весь механизм государственного хозяйства Л. К.“ зависел от постоянного притока иностранного капитала.⁵ Денежная реформа расценивалась, главным образом, как средство открыть дорогу иностранному капиталу в Россию.⁶

Протекционный винт, который царское правительство начало усердно заворачивать с 1877 г., служил той же цели.⁷

¹ Балабанов, Мукосеев, Боголепов.

² Мукосеев.

³ „Вестник Комм. Академии“, 1927 г., № 22, ст. Грановского, стр. 99.

⁴ См. М. И. Боголепов, С. Зак, П. В. Оль и др.

⁵ „Госуд. долг“, 161 стр.

⁶ Мукосеев, „Обществ. движ. в России“, I, 135 стр.

⁷ Мукосеев, там же.

Словом, фактическое положение дел и свидетельство всех исследователей вопроса говорят как раз обратное тому, что утверждает Каценеленбаум.

На чем же он основывает свои выводы? Основной его довод такой. С 70-х годов — аргументирует он — мы имели непрерывный активный торговый баланс. Если бы за этот период имел место приток иностранного капитала, то торговый баланс, хотя бы временно, должен был складываться против нас. Между тем, за 1871—1913 гг. Россия вывезла товаров на 33 млрд. руб., а ввезла на 27 млрд. руб.; активное сальдо достигло за этот период 6 млрд. руб. Значит, не может быть и речи о ввозе к нам капитала, несмотря на то, что наша задолженность за границей за это время увеличилась на 8 млрд. руб.

Ниже мы специально отметим, в каком смысле и при каких условиях торговый баланс может служить показателем ввоза и вывоза капитала. Теперь же взглянем на дело глазами проф. Каценеленбаума, но не так схематично, как это делает он. Во-первых, никуда не годится способ выведения сальдо по торговому балансу за громадный период в 43 года: суммарное сальдо может быть активным при пассивности сальдо по отдельным годам; во-вторых, Каценеленбаум без дальнейших рассуждений отвлекается от ввоза золота и военного снаряжения, считая что это не может поколебать общего результата — активности торгового баланса. Между тем, в этом периоде были годы с пассивным торговым балансом (1899 г.); а если присчитать движение золота (по счету которого баланс был всегда пассивен, причем в 90-х годах эта пассивность возрастала часто до 90 млн. руб. в год) и учесть ввоз военного снаряжения, то мы приходим к выводу, что в 90—900-х годах баланс был часто пассивен, а в другие годы активность его составляла ничтожную сумму 4,9 млн. руб. Следовательно, даже с точки зрения самого Каценеленбаума в период 90—900-х годов приток иностранного капитала в Россию мог иметь место и имел место, как указывает большинство исследователей.

Но дело не только в этой исторической неточности проф. Каценеленбаума. Неверна вся его постановка аргументации от торгового баланса. Если проф. Каценеленбаум согласен при установлении сальдо по торговому балансу принять во внимание ввоз предметов вооружения и ввоз благородных металлов, то почему он отказывается при этом включить в этот расчет оплаты „услуг“ (транспорта, страхования, расходы туристов и т. д.), т. е. все статьи платежного баланса, за исключением тех, которые связаны с кредитными взаимоотношениями данной страны и заграничной? А при учете этих обстоятельств интересующая нас проблема связи России и заграничной выступит несколько иначе, чем она рисуется проф. Каценеленбауму. Известно, что до войны Россия уплачивала ежегодно за услуги иностранного торгового флота 125 млн. руб.¹

По подсчету Гурьева ежегодные расходы русских туристов достигали 50—60 млн. руб.; тогда как иностранные туристы расходовали в России около 10—15 млн. руб. Несколько десятков миллионов рублей достигала оплата услуг иностранных страховых предприятий.

Если сопоставить активное сальдо по нашему торговому балансу с часто пассивным сальдо по счету ввоза и вывоза благородных металлов, с пассивным сальдо по счету транспортных услуг, страховых услуг, расходов туристов, то получится, что, как правило, Россия не могла своим активным сальдо торгового баланса покрыть пассивности других статей платежного баланса, а это и обусловливало необходимость ввоза капитала.

Но и вообще невозможно по торговому балансу безошибочно судить о характере взаимоотношений между странами. Пассивность торгового баланса у стран, вывозящих капитал, не целиком объясняется эффектами от этих капиталов, а и статьями невидимого экспорта; равным образом активность торгового баланса ввозящих капитал стран не целиком объясняется их задолженностью за границей, а и ввозом „невидимых“ услуг.

Правда, Каценеленбаум на подобные соображения возражает: я отрицаю приток реальных капиталов, с юридической точки зрения, в смысле аккумуляции долга и т. д. ввоз капитала имел место. Постановка больше чем странная. Отношения между странами носят ценностную форму. В этом смысле все отношения между странами одинаково реальны. Практически вопрос стоит так: в своем развитии капиталистическая Россия часто не могла обеспечить собственными средствами тот радиус развития, которым она шла: требовался ввоз капитала (именно капитала, как собственности).¹ Отрицать это можно только по недоразумению.

Потребность России в иностранном капитале (в 90-х годах особенно) можно доказать и фактически.²

Решительные суждения Каценеленбаума по отношению к довоенной России поэтому надо признать решительно неверными: доказать, что ввоз капитала в Россию не было после 60-х годов, ему не удалось. А зачем надо было это доказывать? Мотивы были у него хорошие: проблему индустриализации СССР — говорит он — мы должны упирать во внутренние ресурсы. Последнее правильно. Но сомнительно, чтобы правильная политика нуждалась в неправильной теории. А теория проф. Каценеленбаума явно неверная.

Индустриализация в СССР

Проф. Каценеленбаум — индустриалист. Он согласен с тем, что внутренних ресурсов страны достаточно для осуществления плана индустриализации СССР. С чем он не согласен и против чего он

¹ В каких материальных формах ввозился этот капитал — это другой вопрос.

² М. Гольман, „Русский империализм“, изд. 1926 г., 306 стр.

¹ „Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927/28 г.“, 176 стр.

восстает это — практикуемые советской властью методы финансирования индустриализации.

Средства на индустриализацию могут слагаться: 1) из накопленной самой промышленностью (прибыль и сверхприбыль); 2) из бюджетных дотаций; 3) из средств, предоставляемых аппаратом кредита.

Проф. Каценеленбаум в истории хозяйственного развития СССР намечает три периода: 1) до 1924/25 г. основным коньком промышленного развития являлся кредит (главным образом, эмиссия); 2) в 1925/26 г. — бюджет, внутрипромышленное накопление, кредит; 3) с 1926/27 г. берется новый курс на почти полное устранение кредита как метода индустриализации и перевод дела индустриализации исключительно на бюджет и внутрипромышленное накопление.

Анализ данных, относящихся к третьему периоду, приводит его к выводу: «Вся система индустриализации строится на внутрипромышленном накоплении и бюджете, почти с полным устранением кредитного ресурса, а в самом бюджете кредитный источник в свою очередь играет ничтожную роль» (курсив автора. Л. К.).

Каценеленбаум удивляется этому «курсу» финансирования индустрии. Еще больше он удивлен тем, что этот, с его точки зрения, неправильный курс единодушно поддерживается всеми органами (ВСНХ, Госплан, Наркомфин) и даже прокламирован IV Съездом Советов.

Между тем, он убежден, что результаты этого курса могут быть самые плачевные. Он даже доказывает, что уже теперь эти результаты отрицательны. Он тревожно указывает на недостаточный темп роста хозяйства, спроектированный «пятилеткой»; он уверяет, что в исходе пятилетнего развития мы будем у того же самого «разбитого корыта»,¹ у которого мы стоим и сейчас.

А почему? Не потому, что в стране нет ресурсов. Они имеются. Но величина этих средств и та часть их, которую можно обратить на индустриализацию, «находятся в очень тесной связи с теми методами, с которыми мы к этому делу подходим». ² А подходим мы, по убеждению Каценеленбаума, с негодными средствами.

«Совершенно ясно, что результаты, которые может дать эта система (финансирования индустриализации путем внутрипромышленного накопления и бюджета. Л. К.), могут быть исключительно отрицательными. Чтобы это понять, мы должны, раньше всего иметь в виду, что в условиях советского хозяйства между бюджетом и внутрипромышленным накоплением по существу большой разницы нет, при чем как бюджетное накопление, так и внутрипромышленное накопление представляет собой изъятие части доходов отдельных лиц в порядке повышения цен на товары». ³

¹ Каценеленбаум, цит. статья («Соц. хоз.», 1927, кн. II), стр. 24.

² Каценеленбаум, стр. 19.

³ Каценеленбаум, стр. 27.

„Эти приемы, — продолжает он в другом месте, — извлечения дохода, ослабляя стимул к труду, вместе с тем ослабляют и накопления доходов и шансы на индустриализацию“.¹

Уже теперь, говорит Каценеленбаум, обнаружился признак ослабления к труду: в деревне среди крестьянства (недосев технических культур в 1926 г.); в городе среди „ремесленников, торговцев, служащих — словом всего городского населения“.²

Такой неправильной и вредоносной политики финансирования индустриализации Каценеленбаум противопоставляет свой метод. „Какой же отсюда вывод? Вывод следующий. Если мы хотим поставить на правильные рельсы проблему индустриализации, мы не должны подходить к аккумуляции национального накопления — чистого национального дохода трудового населения — такими методами, которые подрывают стимулы к труду (курсив здесь и ниже — автора. Л. К.), а должны подходить такими методами, которые не вызовут такой реакции. Индустриализация при помощи бюджета и внутрипромышленного накопления, т. е. при помощи высоких цен на товары, относится именно к тем методам, которые подрывают стимулы к труду... Этому методу противостоит метод аккумуляции чистого национального дохода при помощи кредита — метод, которым шла индустриализация в прошлом и который в наших условиях означает низкие цены на промтовары и стимулирование труда. Отсюда, далее, следует, что финансовый план „пятилетки“ Госплана должен быть заменен планом прямо противоположным“.³

Практически проф. Каценеленбаум предлагает в ближайшее пятилетие стремиться к тому, чтобы из 18 млрд. руб. накопления, необходимых для индустриализации, по меньшей мере 9 млрд. собрать при помощи кредита.

Нам кажется и в критической и в положительной их части взгляды Каценеленбаума содержат следующие основные моменты, которые необходимо разобрать: 1) индустриализация, поборником которой выступает Каценеленбаум, не является социалистической индустриализацией; 2) Каценеленбаум не уяснил положительных сторон и социальной роли существующих методов финансирования индустриализации (бюджета и внутрипромышленного накопления); 3) выдвижение кредита как единственного и основного метода аккумуляции национального дохода для переходного хозяйства навеяно ему аналогией с капиталистическими отношениями и непониманием природы хозяйства СССР и генерального пути развития последнего;

¹ Каценеленбаум, стр. 29.

² Каценеленбаум, стр. 29.

³ Каценеленбаум, стр. 29.

4) объективно рекомендуемый им курс означал бы перевод дела индустриализации с рельс социалистических на рельсы капиталистические; уменьшение удельного веса сектора и оживление частно-собственнических и капиталистических отношений в стране.

Не случайно, когда Каценеленбаум, аргументируя необходимость перемены методов индустриализации, ссылается на то, что так шло дело в старой России и во всем мире.¹ Образцы капиталистической индустриализации — вот, с его точки зрения, модель нашего развития. Другой перспективы он не видит и не знает. Что это действительно так, можно видеть из того, что проф. Каценеленбаум процесс индустриализации берет только как техническую задачу, вне социальных связей. Он, напр., доказывает, что в СССР нет противников индустриализации за малым исключением деревенских кулаков, что в этом отношении интересы пролетариата, среднего крестьянства, ремесленников, торговцев, служащих сходятся. Такая гармония интересов и мыслей слишком хороша, чтобы быть реальной. Иона, действительно, нереальна. А получилась эта гармония проф. Каценеленбаума потому, что он разрешает каждому социальному классу или слою в понятие индустриализации вкладывать желаемое содержание. Совершенно верно, что торговцы, частные капиталисты вообще, за индустриализацию, если она капиталистическая. Но они против индустриализации, если она идет по стальным социалистическим рельсам. Не надо доказывать почему эти слои против, ибо социалистическая индустриализация для них равнозначна вытеснению, социальной смерти. Что эти слои против социалистической индустриализации, об этом не только можно догадываться, но об этом можно услышать из уст и писаний ученых профессоров.

С другой стороны, пролетариат и среднее крестьянство против капиталистической индустриализации, ибо это означало бы утерю экономической и политической гегемонии первым и жестокий путь разорения для вторых. Наоборот, и пролетариат и среднее крестьянство за социалистическую индустриализацию.

Так смеется логика над проф. Каценеленбаумом: он начал с того, что постарался взять индустриализацию вне социального аспекта, а пришел (объективно) к тому, что отстаивает индустриализацию, нужную капиталистическим и близким им слоям, ибо та индустриализация, за которую ратует Каценеленбаум, не социалистическая индустриализация.

В отношении внутрипромышленного накопления и бюджета проф. Каценеленбаум беспощаден. Вскользь упомянув о роли бюджета в деле „перераспределения накоплений, образующихся внутри государственного хозяйства“,² и в деле социального уравнивания, он,

естественно, переходит к обрисовке отрицательных сторон этих методов в нашем хозяйстве. Отрицательные же стороны того и другого заключаются, по его мнению, в том, что то и другое означает политику высоких цен, а следовательно, конфискацию чистого дохода, паралич накопления, притупление стимулов к труду и прочее.

„Мы не должны,— закликает он,— подходить к аккумуляции национального дохода трудового населения—такими методами, которые подрывают стимулы к труду“. Не только не следует подрывать методы к труду, следует поддерживать всячески частные сбережения.¹

Когда читаешь эти и подобные места из статей Каценеленбаума, невольно приходят на память другие авторы.

„Если оно (обложение. Л. К.) принимает слишком большие размеры, оно влечет за собой печальные последствия... Самый лучший финансовый план это — тратить как можно меньше, и самым лучшим является наименьший налог“.

Так писал 120 лет назад известный „князь науки“ — блистательный Сей.

Целое столетие, органические перевороты в способах производства, происшедшие в хозяйстве СССР, перемена в роли бюджета, смена цели хозяйства, изменение задач общества, стимулов труда, организации труда и проч., и проч.— ни что в отдельности, ни все вместе не могли удержать проф. Каценеленбаума от повторения доводов Сея. Такие доводы у А. Смита, Сея, Рикардо и др. были выражением естественного стремления буржуазного общества вырваться из пут феодальных отношений. За ними стояла логика и потребности развития капиталистической системы, основанной на свободной игре экономических сил.

В наших условиях, условиях трансформации атомизированного хозяйства в единое целостное хозяйство, повторение подобных лозунгов производит впечатление непонятного анахронизма.

Проф. Каценеленбаум говорит о подрыве стимулов к труду.

О каком „труде“ идет речь?

Каценеленбаум, ссылаясь на сокращение в 1926 г. площади посева некоторых технических культур, делает отсюда вывод, что наши методы индустриализации дают уже отрицательные результаты в виде свертывания труда крестьянства. Соотношения цен на технические культуры, действительно, были установлены невыгодно для крестьянства. Но этого нельзя сказать о всех с.-х. ценах. Опыт последних лет доказывает как раз другое; хозяйство середняка при существующих ценах и налогах может развиваться и развивается. Достаточно взглянуть на цифры, приводимые контрольными цифрами за 1927/28 г.: движение основных фондов по сельскому хо-

¹ Цит. статья, стр. 29.

² Там же, стр. 27.

¹ Каценеленбаум, стр. 31, 32.

зяйству дает за 1924/25 — 1927/28 гг. увеличение на 19,6%, в том числе по скоту — 30,8%, по мертвому инвентарю — 23,8%, по постройкам — 14,1%.

Каценеленбаум уверяет, что наша политика цен и налогов приводит к печальным результатам и в городе: у тех 8 млн. трудящихся, пишет он, которые заняты в городе, также падает стимул к труду. Но из 8 млн. 4,5 млн. рабочих госпромышленности! Кто станет отрицать, что воля к труду, стимулы к труду, на ряду с имеющейся личной заинтересованностью в оплате труда, здесь диктуются и другими факторами: профсоюзная организация, трудовая дисциплина, сознание общественного характера работы и т. д. Это могут отрицать только люди, просмотревшие изменения, происшедшие в нашем хозяйстве и в смысле стимулов работы, и в смысле целей хозяйства, и в смысле нового отношения рабочего к процессу труда.

Таким образом, для подавляющей массы трудящихся теперешняя система отношений не исключает наличия стимулов к труду. Они имеются. Кто же остается? Остается капиталист, мелкий производитель города, верхние слои деревни.

Тут, действительно, существующих стимулов к труду недостаточно. Для этих групп расширение рамок частного накопления было бы желательно. Но для пролетарского государства путь выращивания этих слоев и содействие их частному накоплению, естественно, не приемлем.

Но если внутрипромышленное накопление и бюджет отнюдь не уничтожают стимулов к труду у подавляющей части трудящихся, то они, с другой стороны, имеют за собой известные положительные основания.

Возьмем внутрипромышленное накопление. Как-то странно слышать тезис Каценеленбаума о том, что внутрипромышленное накопление следует исключить из числа методов финансирования индустриализации. Если допускается Каценеленбаумом накопление в частном хозяйстве, то почему он отрицает правомерность его в госпромышленности? Тут Каценеленбаум делает явное насилие над собственной логикой.

Наоборот, то обстоятельство, что госпромышленность — основа социалистических отношений в стране — обязывает ее к накоплению прежде всего на собственной основе, т.-е. собственного прибавочного продукта. Остается вопрос о сверхприбылях. Политика снижения цен и направлена на то, чтобы эти сверхприбыли, чем дальше, тем ближе приближались к нулю. Правда, проф. Каценеленбаум к политике снижения цен относится скептически, но это не мешает ей оставаться и правильной и реальной.

Возьмем бюджет. Каценеленбаум совершенно не отдает себе отчета в том громадном значении, которое приобретает бюджет в переходную эпоху; он видит только его отрицательные стороны. Для него бюджет — только инструмент перераспределения средств

внутри государственного круга.¹ О социальной роли бюджета он упоминает лишь вскользь, заявляя к тому же, что сама эта роль ограничена определенными рамками.² Тут все поставлено на голову. Значение бюджета как перераспределителя средств внутри государства как раз второстепенно, ибо здесь мыслимы и другие формы перераспределения. Наоборот, как аппарат перераспределения накоплений между социальными секторами бюджет представляется наиболее эффективным способом.

Спору нет, что наш бюджет мобилизует большую часть национального дохода, чем бюджет буржуазных стран. Так, напр., отношение бюджета к национальному доходу в 1925/26 г. выражалось (в %/о) для:³

Германии	15—20
Великобритании	14—15
Франции	10—12
СССР	24

Но это надо поставить советскому государству не в вину, а в заслугу. Ибо если буржуазное правительство, беря незначительную долю национального дохода, при собирании остальной части его может полагаться на слепые законы рынка, конкуренции, кредита и т. п., советское государство принципиально не может свести свой бюджет к сумме административных расходов. Плановое начало, господствующее в хозяйственной системе СССР, обязывает к достижению плановости и в процессах движения накоплений; положиться здесь на свободную (или полусвободную) игру экономических сил не только нежелательно с точки зрения общего движения к плановому хозяйству, но и практически невозможно, так как стихийного регулятора в хозяйственной системе нет, по крайней мере, не «испорченного» и не дополняемого правительственными мероприятиями.

Каценеленбаум предлагает сделать кредит единственным методом аккумуляции накоплений.

Откуда эта пламенная вера в беспредельное всемогущество кредита? Источников тут много: во-первых, Каценеленбаум принадлежит к тем теоретикам, которые приписывают кредиту способность творить капитал;⁴ во-вторых, даже для капиталистических отношений он явно преувеличивает роль кредита в процессе индустриализации; в-третьих, Каценеленбаум не критически переносит кредит (с его задачами, методами, возможностями) из капиталистических отношений в отношения СССР, существенно иные. Последнее обстоятельство особенно сильно испортило Каценеленбауму всю перспективу, все пропорции, всякое чутье к реальной роли кредита в наших условиях.

¹ Каценеленбаум, стр. 27.

² Там же, стр. 27.

³ Эвентов, «План. Хоз.» 1926 г., № 12.

⁴ «Я действительно признаю некоторое творчество капитала при помощи кредита» («Некоторые проблемы кредита», стр. 97).

Раньше всего неверно его утверждение, что фактически в СССР кредита не существует для промышленности и что во всем хозяйстве роль его ничтожна и т. п.

У нас никто ни теоретически, ни практически важности роли кредита в переходный период не отрицает. Но прежде всего — мера. А эта мера как раз не на стороне проф. Каценеленбаума. Полным и эффективным образом система кредита может развить присущие ей свойства (в том числе и централизацию средств) только в условиях капиталистического общества. Это показано и установлено Марксом.

Последний признавал за кредитом в условиях капиталистического общества громадное значение. Предсказывал он положительную роль кредита и в эпоху трансформации капиталистического общества в социалистическое. Но Маркс никогда, в отличие от утопистов, не утверждал, что на одном коне кредита можно в'ехать в социалистическое общество.

В т. III „Капитала“ Маркс писал: „Не подлежит никакому сомнению, что система кредита послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства, построенному на ассоциированном труде, однако, только как один из элементов в связи с другими великими органическими переворотами в самом способе производства“.

Каценеленбаум на дело смотрит иначе. На докладе в Исследовательском институте МГУ он говорил, что взгляды классиков на денежное обращение и кредит никогда не будут „архаическими“ и что он еще в 1920/21 г. предсказал неизбежность восстановления правильных принципов денежного обращения в советской России... Эта восстановительная точка зрения захлестывает его и теперь. Развития хозяйства вне русла „нормальных“ буржуазных отношений он не видит. Отсюда та гипертрофированная роль, которую он навязывает кредиту в ходе развития нашего хозяйства. Между тем, роль кредита сама по себе не может быть столь всемогущей. Не всемогуща она даже в рамках капиталистических отношений. Достаточно припомнить все критические периоды капиталистических стран (войны и т. д.): кредит как метод централизации средств дает осечку и широко восполняется более действительными мерами. Надо ли говорить, что в условиях СССР, перед которым стоит задача перемены русла развития, ставка только на кредит не может быть сделана?

Основой всего плана Каценеленбаума является убеждение, что всю сумму частных накоплений можно помощью кредита направить в русло индустриализации. Однако, сам Каценеленбаум чувствует, что этим накоплениям, как базе индустриализации, грозит двойная опасность: во-первых, они могут быть с'едены; во-вторых, они могут не пойти вовсе в индустриализацию, поэтому он пробует дать гаран-

тии против таких возможностей. Но гарантии эти маловеские В самом деле, чем он мотивирует неизбежность накопления доходов? „Потребление имеет известные рамки, само в большей степени зависит от доходов“ (32 стр.). Хорошо. Но ведь доход возрастает, — почему же не будет расти потребление? Оно будет расти. Строчкой ниже Каценеленбаум уже отказывается от этой гарантии и успокаивает более скромной перспективой: „Оно (потребление) не может на протяжении длительного периода времени непрерывно поглощать весь добавочный доход“... Но частично, очевидно, может поглотить? Может и будет поглощать.

Несокрушимым оптимизмом веет от доводов Каценеленбаума, и тогда, когда он дает гарантии, что все накопления „естественно“, „легко“, скоро и пр. могут быть при помощи кредита стянуты в русло индустриализации. Здесь также выступает нескрываемый схематизм, шаблонный перенос капиталистических условий на наши существенно иные отношения. Верно, что при капитализме централизационная сила кредита давала значительный эффект, хотя и там она не мобилизовала всех накоплений. Верно, что в дореволюционной России кредит стягивал крупные средства, но он явно стягивал не все средства: крупные остатки натурального хозяйства, природа мелкого производителя, недостаточный аппарат кредита и т. п. мешали кредиту собрать все свободные средства населения. Кое-что из этих условий (например, малая товарность хозяйства) остаются у нас и теперь. А оставаясь, они неминуемо будут мешать мобилизации путем кредита всего накопления. В условиях медленности накопления в стране такую роскошь едва ли можно позволить.

Напряженный характер доходной части бюджета, о котором говорит тов. Брюханов и который (характер доходной части бюджета) не нравится Каценеленбауму, вместе с кредитом и является средством использовать для целей индустриализации максимум чистого дохода населения. В этом железная логика, как и железная необходимость.

Наконец, на тот счет, что некоторые группы (Каценеленбаум говорит только о кулаках; можно говорить и о городских капиталистических элементах), могут просто не дать своих накоплений на дело индустриализации, а обратить их на свое хозяйство или инвестировать, помимо государства, в какие-нибудь иные сферы, Каценеленбаум вовсе не дает никаких гарантий. Он думает, что этот отток средств в сторону от индустриализации компенсируется общим ростом этих средств. Но очевидно само собой, что при равных условиях возрастающие средства (накопления) в возрастающей степени могут идти мимо индустриализации.

Стольбная дорога нашей революции и нашего развития идет и не может не идти по линии замены частной собственности собственностью коллективной. Естественно поэтому, что все мероприятия советской власти неизбежно сопровождаются и носят на себе отпе-

чаток этой основной тенденции и задачи — содействовать превращению частной собственности в собственность коллективную. В этом отношении та расстановка или то разделение труда между бюджетом (против капиталистических элементов) и кредитом (для аккумуляции сбережений трудящихся), которая практикуется у нас, не так уже бессмысленна и неосмысленна, как это представляется проф. Каценеленбауму. Напротив, его метод финансирования индустриализации через кредит предполагает консервирование частной собственности и даже ее поощрение и поддержку. Ибо если в одном месте Каценеленбаум высказывается за стимулирование частного накопления, то в другом месте он не возражает против повышения процентных ставок. Если взять те цифры, которые Каценеленбаум в пятилетие предлагает собрать путем кредита (9 млрд. из 18 млрд.), то не трудно понять, что это означает увеличение долга государства на 9 млрд. руб. и необходимость выплачивать по этому долгу крупные суммы процентов. Частное накопление (притом определенных групп) при этом бесспорно усилится; социальное накопление, наоборот, замедлится.

Все это, в конечном счете, означает одно — движение навстречу частному капиталу, движение при этом в таких формах, которые очень и очень благоприятны частному денежному капиталу.